

ЗАГЛЯНЕМ В ЗАВТРА П О В О Р О Т « В С Е В Д Р У Г » ?

Дискуссия по экономическим проблемам высветила две наиболее популярные точки зрения на дальнейшее развитие экономики. Они достаточно традиционны и для других стран, вступающих на путь экономических реформ. И сводятся, с одной стороны, к структурным сдвигам, а с другой — к тотальному переходу на рельсы рыночной экономики.

Первого направления придерживаются сторонники традиционных методов планирования. Панацея им видится в директивной переброске средств государственного бюджета из менее «нужной» отрасли в более эффективную. А раз так — отрежем кусок у добывающих отраслей и отдадим его машиностроителям. Или используем его для «усиления» социальной направленности планов», то есть на повышение норм расходов в здравоохранении, образовании и тому подобное. Однако история экономических преобразований в различных странах показывает, что это тупиковый путь. Искать доказательств далеко не приходится.

Самый яркий пример безрезультатности методов структурных сдвигов — сельское хозяйство. С 1970 по 1985 годы среднегодовой объем капитальных вложений в отрасль был увеличен более чем в два раза. В то же время объем валовой продукции вырос всего на 24 процента.

Что касается повышения расходов на социальные цели, то оно моментально сдается ростом цен на товары и услуги производственных отраслей, в то время как натуральное потребление почти не меняется. И не мудрено: в сложившейся системе интересов и реальной хозяйственной власти приоритет имеет производственная сфера. Если систему не изменить, она всегда найдет способы перераспределить ресурсы в свою пользу.

Сторонники первого направления реформ предлага-

ют либо борьбу с «проектами века» — и тогда как грибы вырастают мелкие стройки, происходит распыление капитальных вложений. Либо «концентрацию ресурсов на ведущих направлениях», уменьшение количества строек. Тогда и опять начинают маячить «проекты века». А результат один — неуклонный и быстрый рост капитальных вложений. Развитие осуществляется только за счет инвестиций, поэтому ведомственная экономика испытывает постоянный «инвестиционный голод».

По сути дела нам предлагают не менять отношения собственности, то есть отношения хозяйственной, экономической власти. Самое смелое предложение — аренда. Но и она является лишь «расширением самостоятельности», «полным хозрасчетом», а говоря нормальным языком — продолжением старого пути, когда реальный и полновластный хозяин собственности — отраслевое ведомство — разрешает определенные свободы своему наемному работнику — трудовому коллективу. Договор об аренде — не договор имущественного найма, а договор о предоставлении больших хозяйственных прав. Раньше это регулировалось ведомственными инструкциями, теперь перемещается в договор об аренде. Вряд ли такая или подобная ей мера сможет стимулировать подлинно хозяйское отношение к труду, тем более если у арендатора не будет возможности в любой момент продать свои права.

Идя по пути структурных сдвигов и хаотической арен-

ды, экономика обречена окататься в конце концов у той же пропасти. Всякие попытки улучшить положение в рамках старой системы неэффективны.

Естественно, что большинство представителей экономической науки придерживаются других «рыночных» взглядов. Они понимают: человек — не машина. Только тогда он будет трудиться по-другому, когда по-другому сложатся отношения вокруг его собственного труда. И чем меньше рекомендаций, чем меньше связан ими человек, тем эффективней его экономическое поведение.

Механизм рынка давно описан, успешно работает во многих странах. Следовательно, считают рыночники, надо взять его и перенести на нашу почву. Как это сделать? Ну, допустим, взять да и применить средство, хорошо известное морякам: поворот «все вдруг». Скажем, когда корабли несутся на рифы и нужно спасти их от неминуемой гибели. Так и здесь: объявить декретом введение рынка с определенного числа, например, с 1 января 1990 года. Вся старая хозяйственная система разрушается до основания, а затем ожидается, как из условий доминирующего рынка почти мгновенно произрастут все институты постиндустриальной эпохи. Вводятся только некоторые инструменты социальной защиты.

Теоретически такой путь проведения реформ возможен. Он был использован в ФРГ и Японии после второй мировой войны и получил название «технология экономического чуда». Но для успешного осуществления такой политики необходим был целый ряд условий, важнейшее из которых состояло в том, что принятие решений и ответственность взяли на себя силы вне страны, конкретно

говоря — оккупационные власти. Они же обеспечили и экономические гарантии. План Маршалла в Европе стоил 50 миллиардов долларов, Япония получила три миллиарда.

В нынешних условиях, а тем более для нашей страны займы должны быть на порядок выше. Вообще-то спор о получении иностранных займов, который ведется сегодня, кажется нам беспредметным без выработки общей концепции. Потому что, если придерживаться взглядов представителей первого направления, займы брать нельзя ни в коем случае, так как нечем будет рассчитываться. С точки зрения вторых, займы нужны позарез и чем больше, тем лучше — отдать можно будет в случае благоприятного исхода. Весь ужас заключается, однако, в том, что при повороте «все вдруг» наш корабль перевернется.

Концепция технологии экономического чуда основана на представлении о частной собственности и жесткой конкурентной борьбе за существование. Это лекарство, от которого либо сразу умирают, либо сразу становятся здоровыми. Стать здоровыми нам не дадут межнациональные отношения. Безусловно, в отдельных регионах успех возможен. Но в результате мы придем к резкой дифференциации экономического положения. В свою очередь, она способна вызвать такую вспышку межнациональных столкновений, которая вполне может привести к непредсказуемым последствиям.

Тем не менее прошедшие дискуссии, как и реальная жизнь, показывают, что без цивилизованного рынка существовать дальше нельзя. Иначе дефицит в государственной торговле вместе с пиратской теневой экономикой нас попросту раздавит. Знают, на первый план все очевиднее выходит задача

строительства рынка. Процесс этот нельзя сворачивать, нельзя и затушевать — в нем залог движения. И здесь возникают два вопроса. Первый: на каких более или менее разумных принципах может строиться этот рынок и как ввести ответственность там, где ее вроде бы и не существует в природе? И второй: какова должна быть последовательность согласованных, создающих и освобождающих директивных мероприятий? Другими словами, нужен сценарий реформы.

Перенос из XIX и более далеких веков упрощенных понятий о собственности как «мое — чужое» уже устарел. Во всех странах собственность является сложносоставным понятием. Говоря о ней общепринятая (у нас) и частная (на Западе), мы выпихиваем лишь отдельные части одного и того же явления.

Любой объект собственности — земля, природные ресурсы, здания и сооружения, предприятия — является одновременно и общепринятой, и региональной, и коллективной, и частной собственностью. Такая ситуация уже давно существует и у нас, и на Западе. Исключительность частной собственности не более чем лозунг. Нет такой ситуации, когда частный владелец делал бы со своей собственностью все, что хотел. Он подчиняется многочисленным законам и правилам, ограничивающим права собственника.

Акционерная форма существования корпораций предельно доказывает, что не существует частных владельцев предприятий. Права на собственность распределены между отдельными группами людей. Акционеры могут продавать и покупать акции, получать дивиденды и голосовать при утверждении от-

четов, создании и ликвидации предприятия. Менеджеры осуществляют управление собственностью предприятия. При этом корпорация платит налоги в центральный бюджет, в местные и региональные бюджеты, а акционеры с полученных дивидендов еще раз платят налоги с доходов от собственности.

В нашей стране общепринятая собственность также имеет лишь характер лозунга. Говоря общепринятым, мы в то же время признаем особые права трудового коллектива на нее, особые права работника. Это есть поддерживаемый и коллективный, и частный характер общепринятой собственности. В этих условиях пора перейти к понятию сложносоставной собственности. При этом вовсе не обязательно формировать современные инструменты и механизмы управления собственностью, копируя западные страны.

Практически механизм управления и регулирования собственности у нас мог бы выглядеть следующим образом. Выделяется несколько составляющих частей: союзная (общепринятая), республиканская, местная, частная. Функции владения каждой частью собственности могут осуществлять финансовые организации типа холдингов. Холдинг (дословный перевод — держатель акций) — это коммерческая организация, задача которой — владение, покупка и продажа собственности, то есть пакетов акций и ценных бумаг, земли, недвижимости и другого имущества.

Государственные холдинги могут быть созданы при Верховном Совете СССР, Верховных Советах союзных республик, при местных Советах. Акции любого предприятия при его преобразовании в акционерное общество должны быть распределены между разными хол-

дингами, а часть обязательно продана на фондовой бирже негосударственным холдингам, банкам, предприятиям и гражданам. Создание холдингов, а также развитие банков и других финансовых организаций позволит создать демократическую систему регулирования экономики и владения собственностью через экономические финансовые отношения. Контроль через пакеты акций, покупку и продажу собственности создаст реальные основы для ликвидации административно-отраслевой системы управления. Квалифицированные кадры министерств смогут перейти работать в советы акционеров, холдинги и другие финансовые организации.

Полноценное функционирование рынка предполагает также возможность свободной реализации таких прав, как создание, ликвидация, реорганизация, объединение и разделение предприятий и организаций. До сих пор эти отношения регулировались постановлениями Совмина, министерскими приказами. Такая практика частично изменена поправками к Закону о госпредприятии, принятым на сессии Верховного Совета СССР. Важно довести дело до конца и, либо в виде Закона о предприятиях и организациях (как это сделано в Венгрии), либо в виде статей Гражданского кодекса (как это было у нас в 20-х годах и как сделано во многих других странах), предусмотреть возможность для каждого лица, физического и юридического, организовать предприятие на принципах товарищества, кооперации, акционерного общества или частной фирмы.

Существенного изменения потребует бюджетная система. В проекте Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве планируется перейти к нормативному регулированию недостающих

средств и полной самостоятельности в определении расходов и использовании собственных доходов. Думается, это такая же крайняя, как и существовавшая до сих пор система. Ключевой вопрос ее изменения — закрепление ответственности по статьям расходов, а отнюдь не доходов, по которым идет основной спор, являющийся на самом деле проявлением противоречий по поводу собственности. В первую очередь важно закрепить статьи расходов между республиканскими, местными и союзными бюджетами и установить их долю ответственности. В этом случае, кроме общесоюзных программ, возможно принятие и чисто республиканских. Они будут не противоречить, а только дополнять друг друга.

Создание государственных холдингов, по существу, избавит бюджет от финансирования большей части капитальных вложений. Это станет обязанностью холдингов, которые часть полученных дивидендов будут уплачивать в бюджет, а оставшуюся часть использовать на развитие. Только таким образом, а также банковским кредитованием инвестиций можно покончить с неуклонным ростом объемов капитального строительства.

Таковы общие соображения, носящие принципиальный характер. Но, даже согласившись с ними, нельзя не поставить следующих вопросов. С чего начать? В какой последовательности быстрее и лучше всего строить рынок? Об этом — в следующей статье.

В. ВОЛКОНСКИЙ,
доктор экономических наук.
А. ВАВИЛОВ,
Е. САБУРОВ,
кандидаты экономических наук.

ЗАГЛЯНЕМ В ЗАВТРА

П О В О Р О Т

Дискуссия по экономическим проблемам высветила две наиболее популярные точки зрения на дальнейшее развитие экономики. Они достаточно традиционны и для других стран, вступающих на путь экономических реформ. Исходятся с одной стороны, к структурным сдвигам, а с другой — к тотальному переходу на рельсы рыночной экономики.

Первого направления придерживаются сторонники традиционных методов планирования. Панацей им видится в директивной переброске средств государственного бюджета из менее «нужной» отрасли в более эффективную. А раз так — отрезем кусок у добывающих отраслей и отдадим его машиностроителям. Или используем его для «усиления социальной направленности планов», то есть на повышение норм расходов в здравоохранении, образовании и тому подобное. Однако история экономических преобразований в различных странах показывает, что это тупиковый путь. Искать доказательств далеко не приходится.

Самый яркий пример безрезультатности методов структурных сдвигов — сельское хозяйство. С 1970 по 1985 годы среднегодовой объем капитальных вложений в отрасль был увеличен более чем в два раза. В то же время объем валовой продукции вырос всего на 24 процента.

Что касается повышения расходов на социальные цели, то оно моментально съедается ростом цен на товары и услуги производственных отраслей, в то время как натуральное потребление почти не меняется. И не мудрено: в сложившейся системе интересов и реальной хозяйственной власти приоритет имеет производственная сфера. Если систему не изменить, она всегда найдет способы перераспределять ресурсы в свою пользу.

Сторонники первого направления реформ предлага-

ют либо борьбу с «проектами века» — и тогда как грибы вырастают мелкие стройки, происходит распыление капитальных вложений. Либо «концентрацию ресурсов на ведущих направлениях», уменьшение количества строек. Тогда опять начинают маячить «проекты века». А результат один — неуклонный и быстрый рост капитальных вложений. Развитие осуществляется только за счет инвестиций, поэтому ведомственная экономика испытывает постоянный «инвестиционный голод».

По сути дела нам предлагают не менять отношения собственности, то есть отношения хозяйственной, экономической власти. Самое смелое предложение — аренда. Но и она является лишь «расширением самостоятельности», «полным хозрасчетом», а говоря нормальным языком — продолжением старого пути, когда реальный и полномочный хозяин собственности — отраслевое ведомство — разрешает определенное количество свобод своему наемному работнику — трудовому коллективу. Договор об аренде — не договор имущественного найма, а договор о предоставлении больших хозяйственных прав. Раньше это регулировалось ведомственными инструкциями, теперь перемещается в договор об аренде. Вряд ли такая или подобная ей мера сможет стимулировать подлинно хозяйское отношение к труду, тем более если у арендатора не будет возможности в любой момент продать свои права.

Идя по пути структурных сдвигов и хаотической арен-

ды, экономика обречена оказаться в конце концов у той же пропасти. Всякие попытки — улучшить — положение в рамках старой системы неэффективны.

Естественно, что большинство представителей экономической науки придерживаются других «рыночных» взглядов. Они понимают: человек не машина. Только тогда он будет трудиться по-другому, когда по-другому сложатся отношения вокруг его собственного труда. И чем меньше рекомендаций, чем меньше связан ими человек, тем эффективней его экономическое поведение.

Механизм рынка давно описан, успешно работает во многих странах. Следовательно, считают рыночники, надо взять его и перенести на нашу почву. Как это сделать? Ну, допустим, взять да и применить средство, хорошо известное морякам: поворот «все вдруг». Скажем, когда корабли несутся на рифы и нужно спасти их от неминуемой гибели. Так и здесь: объявить декретом введение рынка с определенного числа, например, с 1 января 1990 года. Вся старая хозяйственная система разрушается до основания, а затем ожидается, как из условий домонополистического рынка почти мгновенно произрастут все институты постиндустриальной эпохи. Вводятся только некоторые инструменты социальной защиты.

Теоретически такой путь проведения реформ возможен. Он был использован в ФРГ и Японии после второй мировой войны и получил название «технология экономического чуда». Но для успешного осуществления такой политики необходим был целый ряд условий, важнейшее из которых состояло в том, что принятие решений и ответственность взяли на себя силы вне страны, конкретно

говоря — оккупационные власти. Они же обеспечили экономические гарантии. План Маршалла в Европу стоил 50 миллиардов долларов, Япония получила три миллиарда.

В нынешних условиях, тем более для нашей страны займы должны быть на порядок выше. Вообще-то спор получения иностранных займов, который ведется сегодня кажется нам беспредметным без выработки общей концепции. Потому что, если придерживаться взглядов представителей первого направления, займы брать нельзя в коем случае, так как нече будет рассчитываться. С точки зрения вторых, займы нужны позарез и чем больше, тем лучше — отдать можно будет в случае благоприятного исхода. Весь ужас заключается, однако, в том, что при повороте «все вдруг» наш корабль перевернется.

Концепция технологии экономического чуда основана на представлениях о частичной собственности и жесткой конкурентной борьбе за существование. Это лекарство, которое либо сразу умирают, либо сразу становятся здоровыми. Стать здоровым нам не дадут международные отношения. Безусловно в отдельных регионах успех возможен. Но в результате мы придем к резкой дифференциации экономического положения. В свою очередь она способна вызвать такую вспышку межнациональных столкновений, которая вполне может привести к непрекращаемым последствиям.

Тем не менее прошедшие дискуссии, как и реальная жизнь, показывают, что в цивилизованном рынке существовать дальше нельзя. Иначе дефицит в государственной торговле вместе с прорастанием теневой экономики нас попросту раздавит. Знают, на первый план в ближайшее время выходит зада-

«ВСЕВДРУГ»?

гронительства рынка. Проще — этот нельзя сворачивать, нельзя и затушевать — в нем залог движения. И здесь возникают два вопроса. Первый: на каких олеях или менее разумных принципах может строиться тот рынок и как ввести ответственность там, где ее вроде бы и не существует в природе? И второй: какова должна быть последовательность огласованных, созидающих освобождающих директивных мероприятий? Другими словами, нужен сценарий реформы.

Перенос из XIX и более алекших веков упрощенных понятий о собственности как мое — чужое уже устарел. Во всех странах собственность является сложносоставным понятием. Говоря о ней общенародная (у нас) и частная (на Западе), мы выделяем лишь отдельные аспекты одного и того же явления.

Любой объект собственности — земля, природные ресурсы, здания и сооружения, предприятия — является одновременно и общенародной, региональной, и коллективной, и частной собственностью. Такая ситуация уже давно существует и у нас, и на Западе. Исключительность частной собственности не более чем лозунг. Нет такой ситуации, когда частный владелец делал бы по своей собственности все, что хотел. Он подчиняется многочисленным законам и правилам, ограничивающим права собственника.

Акционерная форма существования корпораций предельно доказывает, что не существует частных владельцев предприятий. Права на собственность распределены между отдельными группами людей. Акционеры могут продавать и покупать акции, получать дивиденды и голосовать при утверждении от-

четов, создании и ликвидации предприятия. Менеджеры осуществляют управление собственностью предприятия. При этом корпорация платит налоги в центральный бюджет, в местные и региональные бюджеты, а акционеры с полученных дивидендов еще раз платят налоги с доходов от собственности.

В нашей стране общенародная собственность также имеет лишь характер лозунга. Говоря общенародная, мы в то же время признаем особые права трудового коллектива на нее, особые права работника. То есть поддерживаем и коллективный, и частный характер общенародной собственности. В этих условиях пора перейти к понятию сложносоставной собственности. При этом вовсе не обязательно формировать современные инструменты и механизмы управления собственностью, копируя западные страны.

Практически механизм управления и регулирования собственности у нас мог бы выглядеть следующим образом. Выделяется несколько составляющих частей: союзная (общенародная), республиканская, местная, частная. Функции владения каждой частью собственности могут осуществлять финансовые организации типа холдингов. Холдинг (дословный перевод — держатель акций) — это коммерческая организация, задача которой — владение, покупка и продажа собственности, то есть пакетов акций и ценных бумаг, земли, недвижимости и другого имущества.

Государственные холдинги могут быть созданы при Верховном Совете СССР, Верховных Советах союзных республик, при местных Советах. Акции любого предприятия при его преобразовании в акционерное общество должны быть распределены между разными хол-

дингами, а часть обязательно продана на фондовой бирже негосударственным холдингам, банкам, предприятиям и гражданам. Создание холдингов, а также развитие банков и других финансовых организаций позволит создать демократическую систему регулирования экономики и владения собственностью через экономические финансовые отношения. Контроль через пакеты акций, покупку и продажу собственности создаст реальные основы для ликвидации административно-отраслевой системы управления. Квалифицированные кадры министерств смогут перейти работать в советы акционеров, холдинги и другие финансовые организации.

Полноценное функционирование рынка предполагает также возможность свободной реализации таких прав, как создание, ликвидация, реорганизация, объединение и разделение предприятий и организаций. До сих пор эти отношения регулировались постановлениями Совмина, министерскими приказами. Такая практика частично изменена поправками к Закону о госпредприятии, принятыми на сессии Верховного Совета СССР. Важно довести дело до конца и, либо в виде Закона о предприятиях и организациях (как это сделано в Венгрии), либо в виде статей Гражданского кодекса (как это было у нас в 20-х годах и как сделано во многих других странах), предусмотреть возможность для каждого лица, физического и юридического, организовать предприятие на принципах товарищества, кооперации, акционерного общества или частной фирмы.

Существенного изменения потребует бюджетная система. В проекте Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве планируется перейти к нормативному регулированию недостающих

средств и полной самостоятельности в определении расходов и использовании собственных доходов. Думается, это такая же крайность, как и существовавшая до сих пор система. Ключевой вопрос ее изменения — закрепление ответственности по статьям расходов, а отнюдь не доходов, по которым идет основной спор, являющийся на самом деле проявлением противоречий по поводу собственности. В первую очередь важно закрепить статьи расходов между республиканскими, местными и союзными бюджетами и установить их долю ответственности. В этом случае, кроме общесоюзных программ, возможно принятие и чисто республиканских. Они будут не противоречить, а только дополнять друг друга.

Создание государственных холдингов, по существу, избавит бюджет от финансирования большей части капитальных вложений. Это станет обязанностью холдингов, которые часть полученных дивидендов будут уплачивать в бюджет, а оставшуюся часть использовать на развитие. Только таким образом, а также банковским кредитованием инвестиций можно покончить с неуклонным ростом объемов капитального строительства.

Таковы общие соображения, носящие принципиальный характер. Но, даже согласившись с ними, нельзя не поставить следующих вопросов. С чего начать? В какой последовательности быстрее и лучше всего строить рынок? Об этом — в следующей статье.

В. ВОЛКОНСКИЙ,
доктор экономических наук.
А. ВАВИЛОВ,
Е. САБУРОВ,
кандидаты экономических наук.